

Кристина Зимняя

ЖЕНА НА ПОЛСТАВКИ

В соавторстве с Евой Никольской

ДЕВУШКА ДЛЯ ДРАКОНА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Кристина Зимняя

Жена на полставки

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2015
 ARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
3-62

Серия основана в 2011 году
Выпуск 193

Художник
Е. Никольская

Зимняя К.

3-62 Жена на полставки: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2117-6

Фиктивный брак — все равно что работа на полставки. В обществе и для слуг ты жена, а для собственного мужа — приятельница, с которой можно приятно провести вечер у камина, обсуждая прошедший день. Эльзу Брэмвейл такое положение дел более чем устраивало, пока не появилась претендентка на ее место. А тут еще и заклинание из загадочного послания неизвестно какой эффект оказало, и собственное прошлое внезапно начало раскрывать не самые приятные секреты.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Кристина Зимняя, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2117-6

ГЛАВА 1

Муж и жена — одна сатана.

Народная мудрость

Тихий семейный вечер: потрескивающий поленьями камин, мягкие кресла с высокими спинками и пуфиками для ног, приземистый круглый столик с булькающим на переносной плитке граджем*¹, свечи и задушевная беседа — такой, несомненно, идиллической картинкой предстала бы наша малая гостиная перед сторонним наблюдателем. Если бы, конечно, этот сторонний наблюдатель умудрился пробраться в Брэм-мол* в столь поздний час. Но все впечатление было бы бесследно уничтожено первой же услышанной фразой:

— И кто на сей раз?

Пожалуй, больше всего я всегда ценила в муже голос. Грэг умудрялся управлять им, как музыкант инструментом, извлекая любую интонацию — от умиротворяющего приглушенного баритона до командного баса — и, соответственно, настраивая слушателя на нужную реакцию. Всего одна короткая фраза, а я уже была готова с восторгом поделиться с супругом свежими новостями, хотя минуту назад еще планировала покапризничать.

— О, дорогой, ты будешь в ужасе!

— Неужели? — лениво поощрил меня Грэг, прищурившись, словно сытый хищник.

— Обязательно будешь! Алвин такой милый мальчик. Просто лапочка. Ты таких терпеть не можешь.

---

¹ Здесь и далее к словам, помеченным звездочкой, см. примечания в конце книги.

— «Милее» Зэйма? — добавив в голос яда, поинтересовался муж.

— Фи, — я демонстративно сморщила носик, — не напоминай мне об этом недоразумении. Алвин несравнимо выше этого долговязого нытика.

— Еще выше? — в притворном ужасе воскликнул Грэгори. — Помнится, Зэйм в двери проходил, исключительно втянув голову в плечи.

— Не издевайся! — Я шутливо погрозила супругу пальцем и мечтательно закатила глаза. — Вин... он такой... такой...

— Неописуемый! — услужливо подсказал муж.

— Да ну тебя! — Я отхлебнула чуть остывшего граджа из своего бокала и, буркнув: — Сам увидишь, — надулась.

— И когда же я буду иметь возможность лицезреть это средоточие совершенств? — опустошив свой кубок, продолжил Грэг.

Я мстительно помолчала с минуту, а потом не выдержала — никогда не могла долго злиться на мужа — и с прежним воодушевлением сообщила:

— Послезавтра на приеме Кручара*.

— Круг чародеев? Так он еще и маг? Милый маг?! — ужаснулся супруг. — Ветреная моя, а может, передумаешь? — Я молча покачала головой, с трудом удерживая серьезное выражение на лице. Муж вздохнул и поднялся из кресла. — Эту новость нужно переварить, — констатировал он, чмокнул меня в лоб и, заправив мне за ухо выбившуюся прядку, пожелал: — Волшебных снов, Эльза.

Шаги в коридоре, отделенном от гостиной массивной двустворчатой дверью, давно стихли, а я все еще ощущала тепло прикосновений. И невольно улыбалась, в который раз размышляя, как же мне повезло.

Под созерцание пляшущих в камине язычков пламени и новую порцию пряного травяного настоя перебирать воспоминания было особенно приятно. Даже те, что приятными не были.

Дело в том, что при всех моих достоинствах — привлекательной внешности, деньгах и более чем приличном происхождении — у меня имелся один, но очень существенный недостаток. Я была невероятно влюбчива. Стоило только

показаться где-то в пределах видимости симпатичному мальчику (юноше, мужчине), как я мгновенно теряла голову. Родители до этого позора, начавшегося, едва мне стукнуло тринадцать, к счастью, не дожили. Хотя один авторитетный врачеватель утверждал, что именно их ранний трагический уход и послужил причиной моей «эмоциональной нестабильности». Может, он и был прав. Как бы там ни было, тетка Марвейн со мной изрядно намучилась. Мало того что я буквально сходила с ума по каждому очередному «идеалу» — круглосуточно расписывала всем его достоинства, слагала стихи, совершенно неприлично тарасилась на объект своей любви, планировала то побег, то свадьбу, — так еще и остывала буквально через неделю-другую, переключаясь с тем же пылом на новый объект. В то время как прежний «возлюбленный» только-только вынужденно проникался выпавшим ему «счастьем» и настраивался на романтические отношения. Бедная тетя умаялась отваживать позабытых кумиров и словом, и силой — некоторые из них были столь настойчивы, что пришлось нанять парочку охранныхников.

Грэгори Брэмвейл нарисовался в моей жизни столь стремительно, что я даже присмотреться к нему не успела. Поймал меня в темной нише за портьерой, где я обиженно хлопала носом после очередной тетушкиной нотации, и предложил платок, кошелек и имя. Первое я с благодарностью приняла, от второго с ходу отказалась, а над третьим призадумалась.

После тетиного любимого, многократно повторяемого: «Допрыгаешься ты однажды, Эльза!» — перспектива обзавестись надежным защитником от уже неинтересных кавалеров показалась невероятно привлекательной. Вот так я и сменила родовое имя, статус и место жительства, переехав из Чарди-мола в Брэм. И очень долго понять не могла одного — почему я в Грэга тогда так и не влюбилась?

Впрочем, оно и к лучшему. Как и то, что сам он любить был не способен. Мы с Грэгори были как две стороны медали: я — вечно кем-то очарованная и он — видящий лишь недостатки в окружающих. Наверное, сама ткачиха судеб — столапая паучиха Грис* — предназначила нас друг для друга.

Утро того рокового дня началось для меня в районе полудня. В том смысле, что именно в это время я соизволила проснуться. Хайда, тут же нарисовавшаяся в дверном проеме с подносом, поспешила ехидно поведать мне, что хозяин опять не ночевал дома. Судя по неприкрытому злорадству кайры*, можно было подумать, что это случилось впервые, хотя вся прислуга наверняка лучше меня знала, где и с кем встречал рассветы мой дорогой супруг. Я зевнула, деликатно прикрыв рот ладошкой, потянулась и уселась, подложив под спину подушки, чтобы насладиться завтраком. Под блюдечком с джемом обнаружился довольно пухлый конверт. И необычного в этом факте было еще меньше, чем в каждодневной чашечке отвара ромашки — записки от возлюбленных я получала регулярно. Мимолетно озадачившись вопросом, от кого же это письмо (уже от Алвина или еще от Джойса, которым я была увлечена на прошлой неделе), я вскрыла послание. Из недр конверта выпорхнула крупная бархатисто-черная бабочка. Она описала круг над кроватью и, в последний раз взмахнув крыльями, разлетелась на тысячи полупрозрачных лепестков, которые легли на одеяло символом разбитого сердца.

Это было красиво. И я невольно улыбнулась, подумав, что на сей раз роман обещает быть приятным. Алвин Виттэрхолт был пусть и слабеньким, но магом, и этот романтический, хоть и несколько мрачноватый, сюрприз вполне был ему по силам. Но тут же пришедшая в голову мысль, что Джойс Саммермэт, чародем не являвшийся, вполне мог позволить себе оплатить сотни подобных иллюзий, несколько подпортила радужные грезы. В пользу второй версии говорило и то, что получать знаки внимания от Алвина было еще рано. Я трянула конверт в надежде на карточку с подписью отправителя, способную разом развеять все сомнения. И кусочек картона действительно выскользнул из объятий плотной мелованной бумаги. Вот только вслед за ним на мои колени упал еще один предмет — крохотный, не больше ногтя на мизинце, ключик на алой шелковой ленточке. Прозрачный намек мне вовсе не понравился, я нахмурилась и потянулась за картонкой, чтобы узнать имя столь смелого поклонника, вот только вместо: «Я в восхищении! Всегда ваш, А.» или «Люблю! У ваших ножек, Дж.», — на розовом прямо-

угольнике, обрамленном траурной каймой, красовался неза-
тейливый стишок:

Шаг вперед и два назад —
Тьмы повязка на глазах.
Чем пожертвовать готова
Кукла ради жизни новой?
Друг не друг, а день не день,
Когда путь уводит в тень.
Не бывает без потерь
Приоткрыта тайны дверь.
Если ключ не подобрать,
Замок можно и сломать...¹

Я прикусила губу, раз за разом озадаченно перечитывая загадочное послание. В бессмысленных на первый взгляд строках прослеживался какой-то странный ритм. Ключик мерно раскачивался на зажатой в пальцах ленточке в такт повторяемым про себя словам, а в голове все отчетливее звучала рваная, словно исполняемая неумехой-учеником, мелодия: «Пам-пам, пам-пам!» Глаза заволокло какой-то пеленой. Я сама не заметила, как начала, беззвучно шевеля губами, двигаться: вперед-назад, влево-вправо, вперед-назад... «Пам-пам, пам-пам...»

— Не к добру это! — ворвался в уши резкий голос Хайды. — Всю кровать сажей изгваздали.

Я вздрогнула, мгновенно вернувшись в реальность, и отбросила и карточку, и ключик. Картонка вспыхнула и упала на кровать, оставив в воздухе облачко едкого зеленоватого дыма, а ключик, тихонько звякнув, улетел куда-то за туалетный столик. Стало по-настоящему не по себе — я понимала, что была в полушаге от забытья. Навейного забытья — морока, цель которого была мне неизвестна. Пожалуй, в тот момент я впервые в жизни по-настоящему испугалась...

Впрочем, испуг был не единственным «впервые» в тот день. «Случайно» опрокинув блюдце с рогаликами на пол и отослав Хайду на кухню за новой порцией, я поспешно встала, пересекла свою комнату, потом нашу общую парадную спальню и застыла возле скромной одностворчатой двери из

---

¹ Стихи Кристины Зимней.

темного дерева. Рука, уже занесенная для вежливого стука, зависла в воздухе. Странно... Я совершенно не боялась Грэга, но нарушить негласное правило о неприкосновенности личного пространства было почему-то страшно. словно этот незначительный поступок мог пошатнуть надежность нашего союза. Тряхнув головой, словно прогоняя неуместные сомнения, я осторожно повернула дверную ручку и сделала шаг в неизвестность.

Спальня мужа действительно была для меня неизведанной территорией. Поэтому вопреки первоначальному намерению быстро выяснить, здесь ли он и может ли со мной поговорить, я невольно стала крутить головой, оценивая обстановку. Царивший в комнате полумрак только раздражал мое любопытство. Хотелось распахнуть тяжелые узорчатые портьеры, не пускавшие солнечный свет, и изучить каждую мелочь — от мерцавших на стенах ночников до украшавших потолок фресок. Дверь, оставленная приоткрытой, вдруг тихонько скрипнула и захлопнулась. Этот не слишком громкий звук показался мне оглушительным. Я вздрогнула и, прекратив озираться, как провинциалка в музее, направилась в глубину комнаты. Намек на то, что Грэг в любой момент может проснуться и застать меня за праздным изучением интерьера, вышел своевременным.

Ложе, а именно это слово больше всего подходило к данному предмету мебели, пугало своими габаритами. Моя не самая скромная по размерам кровать уступала этому монстру во всем — в длине, ширине, высоте, роскоши. Накрытый покрывалом холм, возвышавшийся посреди темных, неясного в полумраке цвета, простыней, выглядел тоже внушительным. На миг я даже засомневалась, а один ли мой супруг в этом свертке из расшитого вензелями бархата. Но сама мысль, что лэйд* Брэмвейл мог притащить в родовое гнездо любовницу, показалась настолько нелепой, что тут же покинула мою голову.

Добраться до «холма» оказалось не так уж и просто — пришлось встать одной ногой на ступеньку, коленом другой опереться на край кровати, и только тогда я сумела дотянуться. Тихонько позвав мужа по имени, осторожно похлопала по предполагаемому плечу. И уже в следующую секунду с визгом отправилась в полет.

Приземление на дальнем краю ложа вышло на удивление мягким, но осознала я это далеко не сразу. Потому что в первый момент могла только беззвучно шевелить губами и перепуганно таращиться в светящиеся глаза нависшего над мной существа, сотканного из фосфоресцирующих нитей. Тяжелое холодное тело, придавившее меня от колен до груди, и ледяная рука, сжавшая горло, добавляли остроты ощущениям.

— Эльза? — хрипло спросило чудовище голосом мужа. — Что ты здесь делаешь? — Пальцы, словно извиняясь, погладили мою шею и соскользнули, давая воздуху доступ к легким. Я шумно вдохнула и попыталась отползти. — Прости, я не сразу тебя узнал! — продолжил Грэгори, переместившись с моего тела на кровать.

— Я... я тебя тоже! — наконец удалось выдавить мне.

Грэг поднял руку, и я невольно шарахнулась в сторону, но он всего лишь потянул за шнурок над изголовьем. Шторы с тихим шорохом скользнули в стороны, заливая спальню солнечными лучами. Полумрак отступал, забирая с собой и кошмарный облик супруга. Хотя и при свете дня выглядел он не очень — запавшие щеки, чрезмерно выступающие скулы и ключицы, темные провалы под глазами и мертвенная, синюшная бледность никого бы не украсили. Но без сосудов, просвечивающихся в темноте сквозь истончившуюся кожу, и белесых глаз облик был скорее жалким, чем пугающим. А еще он наглядно свидетельствовал, что этой ночью муж работал, а не с девицами легкого поведения общался. Переохлаждение, упадок сил, хищная кровь* — все признаки магического истощения налицо.

— Прости, я не хотел тебя напугать! — зябко кутаясь в покрывало, еще раз извинился Грэг.

— Это ты меня прости! — виновато вздохнула я. — Я не должна была вот так вот бесцеремонно вламываться.

— Ты что-то хотела?

Судя по виду, для самовосстановления ему требовалось еще часа три-четыре сна, но столько ждать я была не готова, а потому решительно потянулась к мужу и обхватила руками его лицо. Ладони слегка закололо, словно сотни крохотных ледяных иголочек проступили на мужских щеках, но больно не было. Было любопытно. Я еще никогда не выступала в

роли айры* для мага. От дежурства в айронарии* меня ограждал статус, а Грэг ни разу не просил поделиться энергией. Сперва я совсем ничего не ощущала, кроме пощипывающего ладошки холода, но постепенно по телу стали разливаться слабость и сонливость. Веки сами собой опустились, голова закружилась...

— Достаточно! — ворвался в затуманенное сознание голос мужа. На мои руки легли его, уже привычно горячие — температура тела у чародеев несколько превышала обычную для людей. — Тебе нужно полежать. — Он осторожно опустил меня спиной на кровать и укрыл.

— Я хотела... — попыталась было поделиться встревожившим событием я, но к моим губам прижался мужской палец.

— Тсс! Подожди немного, Эльза. Через пару минут станет лучше.

Я послушно умолкла. Муж принялся умело растирать мои похолодевшие ладошки. От запястий к плечам стало подниматься приятное тепло, прогоняя онемение. И через некоторое время я вдруг поняла, что снова полна сил. Распахнув веки, я встретилась взглядом с серыми глазами Грэги. На его вернувшем обычную смуглость лице появилась добрая улыбка.

— Спасибо, милая! — Он поднес мою руку к губам, слегка коснулся костяшек и аккуратно положил на кровать.

В поле зрения попал обнаженный торс мужа, я невольно вспыхнула и поспешила сесть, старательно отводя взгляд. Грэг хмыкнул и потянулся в изножье кровати за валявшейся там светлой лужицей рубашкой. Я невольно проследила за ним, оценив и игру мышц на спине, и низко сползшие из-за расстегнутого ремня брюки, и заставила себя отвернуться. Любопытство было естественным, но казалось нечестным. Наш договор не предполагал такого рода интимности и, застань я мужа за подобным разглядыванием, была бы искренне оскорблена.

— Все, я оделся, — сообщил Грэги. — Так что у тебя случилось, Эль?

Я вздрогнула — уменьшительным именем меня называли крайне редко — и посмотрела на мужа. «Оделся» — слишком громко сказано, он всего лишь накинул рубашку, но так и не потрудился ее застегнуть, как, впрочем, и пояс, блестящая

пряжка которого привлекала внимание к совсем уж неприличному. Я поглубже вдохнула, запретила себе опускаться взглядом ниже шеи собеседника и начала рассказ.

Чего у Грэга было не отнять, так это умения слушать. Он всегда терпеливо выносил мой восторженный щебет на тему очередной покупки или очередного поклонника, не перебивал и даже поощрял чрезмерную словоохотливость, вероятно, понимая, что только с ним я могу быть откровенна. Из родни у меня была лишь тетка и пара кузенов, а подруг ввиду особенностей моей натуры не было вовсе. Практически все особи подходящего пола и возраста так или иначе становились жертвами моей влюбчивости, а те, кому посчастливилось быть обойденными вниманием, благоразумно держались подальше. Никому не хотелось приглашать в дом потенциальную угрозу спокойствию и благоразумию своих мужчин. Да и на приемах меня старались обходить стороной.

Талант слушателя и на сей раз мужу не изменил. Он хмурился, что пугало меня еще больше, чем само происшествие, но не перебивал, давая возможность высказаться. Я старалась подбирать слова, выстраивать фразы, чтобы максимально точно описать ситуацию, но то и дело срывалась на эмоциональные возгласы и жестикуляцию.

— Что бы это ни было, подействовать оно не успело, иначе я бы заметил след при подпитке, — попытался успокоить меня Грэг. — Надеюсь, ты ничего не выбросила?! — Я отрицательно покачала головой. — Умница! Тогда пойдем, покажешь!

Семена за решительно зашагавшим к моей комнате мужем, я поймала взглядом отражение в зеркальной дверце шкафа. Мы оба были босиком и не совсем одеты, но Грегори в таком непривычно расхристанном виде почему-то казался крупнее, чем обычно. Я же, в пижаме и покрывале, которое потащила за собой, выглядела откровенно жалко, хотя была не в пример спокойнее, чем до набега на чужую спальню. Все-таки привычка во всем полагаться на мужа помогала чувствовать себя увереннее в его присутствии. Защищеннее.

Перешагнув порог моей комнаты, Грэг не устремился сразу к кровати, а с интересом пробежался глазами по инте-

рьеру. Я хмыкнула, вспомнив, как сама озиралась по сторонам совсем недавно.

— Нравится?

— Уютно! — кивнул муж. И это не было комплиментом. Предыдущая хозяйка Брэм-мола не отличалась хорошим вкусом, и свою часть хозяйских апартаментов я переделала сразу после свадьбы, ликвидировав все пылесборники, колеченные пуфики и пестрящие узорами и позолотой обои.

Черное сердце на бежевом шелке одеяла удостоилось лишь мимолетного взгляда, а вот прочим элементам послания внимания было уделено куда больше. Если точнее — конверт и розовая карточка подверглись тщательному изучению, а вот ключик куда-то пропал. Я, укрывшись за дверцей шкафа, сменила плащ из покрывала на халат и, отодвинув прикроватный столик, принялась осматривать пол, но ни алой ленточки, ни самого ключа нигде не было видно.

— Пропал! — раздосадованно сообщила я, поворачиваясь к Грэггу, облюбовавшему одно из двух плетеных кресел в нише у окна.

В моей светлой, утонченно-женственной комнате Грэгори смотрелся чуждо, но на удивление привлекательно. Я даже засмотрелась на миг. На лице мужа уже не было следов ни измождения, ни недавней хмурой сосредоточенности, лишь налет привычной снисходительной насмешки. И это успокаивало.

— Присаживайся, ветренная моя, — жестом указал мне супруг на второе кресло.

Я с готовностью подхватила с прикроватной тумбы поднос с завтраком и, переставив его на стеклянный столик, вплотную придвинутый к подоконнику, уселась напротив мужа. Уклад нашей личной жизни мог быть любым, но правила предписывали сервировать всегда на двоих, и в тот момент вторая чашка впервые пришлась кстати. Я степенно, словно матрона со стажем, разлила по чашкам ромашковый отвар, добавила мужу пол-ложечки меда, как он любил, и передала напиток. Грэгори так же уверенно, словно этот простой ритуал в подобной обстановке был для нас повседневным, принял кажущийся в его руке крохотным элемент гэврского сервиза, сделал глоток и подчеркнуто ласково произнес:

— Признавайся, непостоянная моя, о которой из жертв своего сногшибательного обаяния ты забыла мне поведать?!

Я даже оскорбилась:

— Грэг! — Муж в ответ на мой возмущенный возглас только слегка приподнял брови в немом вопросе и сделал еще один глоток. — Ты же знаешь, я всегда и все тебе рассказываю!

— Видимо, не все, Эль. Потому что отпечаток кокона* на этом конверте мне не знаком.

По сути, этой фразой он открыто признался, что изучает слепки* энергетической оболочки всех моих кратковременных возлюбленных. Но я об этом и прежде догадывалась. В конце концов, именно уверенность, что лэйд Брэмвейл — один из сильнейших магов Латии* и охотник на калфов*, как никто другой, сможет позаботиться о безопасности супруги, и помогла мне год назад принять решение. А ведь к тому моменту я уже подумывала перебраться в Равнинную обитель*. Девичью, разумеется.

Иногда я ужасно жалела, что родилась в семье третьего круга*. И не потому, что так уж желала быть чьей-то кайрой, как Хайда, или поварихой. Немногим больше меня привлекала и судьба торговки или учительницы, но проверке кровью Повелителей ни первый, ни второй круг не подвергались. Только третий считался достойным. И достаточно сильным, чтобы принять дар. Всего одна капля, полученная в храме Змея* через неделю после рождения, а как она меняла жизнь! Кому-то, как Грэгори, везло больше всех — кровь приживалась в организме и, начав менять его в возрасте десяти-двенадцати лет, делала мальчика магом. Именно мальчика — чародеев женского пола можно было пересчитать по пальцам. Остальные же дети третьего круга, пережив продолжительную лихорадку, приобретали какую-нибудь особенность, которая проявлялась при взрослении. Так, подруга моего детства умела говорить с птицами, кузен Люрвиг — чувствовать воду, его брат Кардайл — оставлять выжженные отпечатки пальцев на любом предмете, тетка Марвейн — копировать голоса. Дар мог быть как полезным, так и абсолютно нелепым, но мой оказался совершенно ужасным именно для меня. Любой свободный от искренней сердечной привя-

занности, в кого я влюблялась, неизменно отвечал мне взаимностью. Нужно ли говорить, каким кошмаром оборачивалось мое непостоянство?!

— Эльза, ты меня слышишь?

Я вынырнула из своих размышлений, повторно наполнила протянутую мне чашку и ответила:

— Прости, дорогой! Я просто пыталась вспомнить, кого могла случайно не упомянуть. Но я действительно абсолютно всем с тобой делюсь. Может, это письмо прислала женщина?

— Возможно. Какая-нибудь брошенная особа, затаившая злобу, или не в меру деятельная родственница, — согласился Грэгори. — Я проверю, а заодно покажу карточку специалисту. К сожалению, ты активировала заклинание, и теперь это просто стихи, по которым так сразу и не определишь направленность морока. — Грэг поднялся и направился к двери, прихватив с собой конверт и розовый кусочек картона. — Постарайся пока никуда не выходить, лучше ключик поищи! — Я согласно кивала, провожая мужа взглядом. — И, Эль, — на пороге Грэг обернулся и как-то бесшабашно, по-мальчишески улыбнулся: — Еще раз спасибо!

— За что? — не поняла я.

— За незабываемое утро, непредсказуемая моя!

Дверь с тихим щелчком закрылась, а я запоздало поняла, за что на самом деле было это спасибо. Я ведь вовсе не обязана была восстанавливать магический резерв мужа. Наши отношения подобного не предусматривали. Но это было такой мелочью по сравнению со всем, что Грэгори для меня делал.

Прислуги в Брэм-моле было немного: повариха Альма и ее дочка Исми, помогавшая на кухне; Гальс — кайр Грэга; Хайда; садовник Лойс и Цвейг, который проживал в комнатке над шипарием*. В последнем представителе персонала особой нужды не было, но свою небольшую коллекцию шипов Грэгори обожал, а возможности холить и лелеять не имел из-за постоянной загруженности работой. Потому и появился несколько месяцев назад в стенах просторного помещения, опутанного таким количеством сигнальных нитей, что и городская сокровищница бы позавидовала, утрюмый мальчишка. В доме Цвейг почти не показывался, на хо-

рошенькую Исми, таскавшую ему еду, упорно не реагировал и даже ночевал среди вверенных его заботам каменных копей чаще, чем в своей комнатухе.

Зато пятерку хозяйских шипов парнишка обожал. Он мог часами полировать их покатые каменные бока и треугольное днище, тщательно оттирать малейшие пятнышки на стеклянном куполе и щеткой вычищать внутреннюю обивку. И так же продолжительно дуться из-за малейшей царапинки. Моему золотисто-рыжему одноместному крошке, такому изящному и миниатюрному рядом с мощными собратьями, тоже доставалась порция внимания и ласки, а мне — недобрые взгляды исподлобья. Управлять-то я умела, но вот мастерства в этом искусстве так и не достигла. Истерика, которую закатил Цвейг, когда однажды я вернулась на шипе со сплюсненным о дерево передом, была знатной. Каждый раз, залезая в обтянутое черным бархатом нутро Малыша в сопровождении тоскливых вздохов мальчишки, я чувствовала себя хищницей, крадущей детеныша у матери. Так что свадебным подарком мужа я пользовалась редко, предпочитая та-шип* вероятности однажды быть убитой каким-нибудь особо острым инструментом из арсенала Цвейга.

Лойс, отменно присматривавший за обширным садом, фонтаном и клумбами, в стенах мола также был нечастым гостем. Приходил раз в три дня из деревеньки неподалеку и в тот день не появлялся. Альма и Исми все утро носу не высовывали из кухни — перебирали ягоды для джема. Гальс уверенно утверждал, что среди доставленной почтальоном корреспонденции писем для меня не было. А кайра не менее уверенно заявляла, что конверт с надписью «Лэй Эльзе Брэмвейл дин* Варейс» взяла со столика у лестницы. Сомневаться в ком-то из них не было причин — Грэг доверял своему слуге так же, как я Хайде.

По всему выходило, что таинственное послание, на котором остался неопознанный пока след кокона, но почему-то исчезло мое имя, возникло из ниоткуда. Бытовые перемещения предметов редкостью, конечно, не были — нашелся бы только чародей, желавший размениваться на такую мелочовку. Вот только Брэм-мол — родовое гнездо мага. Причем мага далеко не в первом поколении. Кровь Повелителей прекрасно прижилась в жилах и отца моего мужа, и его деда, и

прадеда. Старый дом был укрыт многослойными чарами от флюгера на западной башенке до потайного хода в подвале.

— Ну, и что скажешь, дорогая? — ловко разделявая жареную райку*, поинтересовался супруг. Я неодобрительно посмотрела на порцию жирного мяса, очутившуюся на моей тарелке.

— Скажу, что Альма по-прежнему готовит исключительно для тебя, дорогой! Это болотное недоразумение, по ошибке наделенное крыльями, ни одна уважающая себя лэй есть не станет.

— Ты преувеличиваешь, привередливая моя! — улыбнулся муж, накладывая мне тушеных овощей. — Я точно помню, что совсем недавно на ужин был столь любимый тобой абсолютно несъедобный салат.

— Это было неделю назад! И то лишь потому, — я обличающее ткнула в сторону Грэгори вилкой, — что Альма приболела, а Исми без присмотра спалила мясо. И если ты не поговоришь с этой старой интриганкой, вечно причитающей, что «мальчик опять исхудал», я найму еще одного повара. А когда они при дележе кухни дойдут до поножовщины, виноват будешь ты!

— Напугала! — рассмеялся Грэг, но тут же посерьезнел. — Вообще-то я хотел бы узнать, что ты думаешь насчет письма.

Я ковырнула содержимое тарелки и поморщилась. Вести легкомысленную беседу было куда приятнее, чем обсуждать так напугавшее меня происшествие. Вот только Грэгори был прав, не давая разговору сойти к привычной для нас безобидной пикировке.

— А что я могу думать? Представления не имею, кто мог оказаться настолько, — я помедлила, подбирая слово, — умелым, чтобы обойти защиту Брэма. И тем более не понимаю, кому это могло понадобиться. А еще куда более важным мне кажется, что по этому поводу думаешь ты.

Муж кивнул, словно подтверждая мою правоту, и, прожевав кусок райки, одобрительно заметил:

— Что я всегда ценил в тебе, Эльза, так это благоразумие.

— Тетя с тобой бы явно не согласилась, — грустно усмехнулась я.

— Лэй Марвейн, при всем моем уважении, не слишком наблюдательна и склонна придавать излишнее значение

приличиям. Иначе она бы, несомненно, заметила твою способность вовремя отступить и не брать на себя слишком много.

— Не издевайся!

— Я совершенно серьезен. И, между прочим, в свете твоего благоразумия возникает вопрос: кто знает тебя настолько хорошо, чтобы предполагать, что ты покажешь письмо мне?

— Почему ты думаешь...

— Потому, что именно сегодня меня не должно было быть дома до самого вечера, а на конверт и карточку наложено самоуничтожение на два часа пополудни. И подобное совпадение кажется мне подозрительным.

В дела мужа я никогда не вникала, а потому могла только изумленно воскликнуть:

— До вечера?

— У Миста жена вот-вот родит, поэтому я временно его замещаю. И об этом может узнать любой, прочитавший указ на Рассветной башне*.

— То есть ты сейчас должен в кабинете председателя принимать посетителей?

— Да, должен. Но, — предвосхищая мой вопрос, продолжил муж: — Вместо меня жалобы и просьбы выслушивает Коллейн под личиной.

Мое лицо невольно вытянулось от изумления. Амулеты, позволявшие менять внешность, были невероятно энергоемкими и использовались крайне редко. Чтобы восстановить свойства этой невзрачной на вид подвески, десятку магов приходилось выкладываться полностью.

— Но зачем такие сложности?

— Ночью был прорыв. Я истратил весь резерв и вдобавок повредил плечо — регенерация забрала остатки сил.

— А айронарий?

— Слишком многие пострадали, — помолчав, пояснил муж и негромко добавил: — А я женат.

Мне вдруг стало невероятно стыдно. Признаться, до того момента я никогда не задумывалась об этой стороне жизни супруга. Я, естественно, была в курсе, что он маг и регулярно участвует в ночной охоте. О том, что после значительной, связанной с даром деятельности чародей испытывает болезненную слабость, знали абсолютно все. И что большинство

магов предпочитает подпитку чужой энергией самовосстановлению, тоже не было тайной. В айронарии круглосуточно находились готовые поделиться жизненными силами: как попавшие на дежурство по жребию, так и пришедшие по собственному желанию. А почему нет? Не больно, общественно полезно, да еще и шанс на перспективное знакомство дает.

Девушки на выданье из второго и даже первого круга просто рвались добровольцами — а вдруг приглянешься молодому симпатичному магу? Тут тебе разом и богатство, и скачок по социальной лестнице. Чародею-то никто не запретит жениться — будь ты хоть последней прачкой, а мигом лэй станешь. А потому в айронарий и наряжались, как на праздник, и зельями, усиливающими привлекательность, не брезговали. Вот и повелось, что женатые мужчины, кроме случаев, когда подпитка была жизненно необходима, общения с айрами избегали. Ни к чему супруг на ревность провоцировать.

— Прости! Я не думала... Тебе нужно было только сказать, и я...

— Оставь! Если бы это действительно было проблемой, я бы непременно попросил! — отмахнулся Грэгори. — Суть в том, что я вернулся рано утром, хотя не должен был, и только поэтому успел увидеть письмо. А предполагалось, что вечером я обнаружу уже зачарованную Эльзу.

— Интересно чем?

— Скорее, интересно кем! Определив автора морока, узнаем и причину, и назначение этого рифмованного творчества. Ключ не нашла?

— Нет!

— Поищи еще раз! А я пока попробую проверить отпечаток кокона. И Коллейна домой отпущу, пока он кого-нибудь из посетителей не загрыз. — Мы переглянулись и одинаково ехидно хмыкнули — способность заместителя Грэгори выходить из себя была общеизвестна. — Будь умницей и не покидай Брэм-мола. А если вдруг почувствуешь желание взяться за любимый тесак Альмы и проредить ряды домочадцев, немедленно вызывай лекаря! И мне весточку послать не забудь! — проинструктировал меня муж, поднявшись из-за стола и чмокнув на прощанье в лоб.

— Обязательно! Как только рука к чему-то острому потянется, — пообещала я, провожая супруга взглядом. Шутки шутками, но внимательнее отнестись к себе было совсем не лишним.

Всю ночь мне снились кошмары. Вооружившись увеличившимся втрое, а потому больше напоминавшим топор палача, чем кухонный инвентарь, ножом, я кралась по подземным лабиринтам от одного дома к другому. Потайные ходы, настроенные только на семьи чародеев, беспрепятственно пропускали меня. Кажется, первым был Коллейн. А может, Мист или Алвин. Головы магов валялись к моим ногам, как кочаны капусты. Кровь, обычная, алая, фонтаном била из ран, пачкая стены, мебель и мое нежно-розовое короткое платьице в оборках. Я пробиралась из спальни в спальню, пока наконец не очутилась в бальном зале. Где тут же принялась танцевать под мелодию, что сама себе напевала: «Шаг вперед и два назад, пам-пам, пам-пам...» Тесак в моей руке описывал в воздухе изящные пируэты, а зарубленные жертвы этой безумной пляски оседали на пол, превращаясь кто в жареную райку, кто в миску с салатом. В какой-то момент напротив меня оказался Грэг, и мы закружились по залу, безжалостно растаптывая сомнительного происхождения пищу. Все слилось в одно пятно — алое, как лента, завязанная узлом на шее мужа. Она безжалостно впивалась в его кожу, а ключик раскачивался в расстегнутом вороте рубашки словно маятник. «Пам-пам! Пам-пам...» Я перевела взгляд с завораживающего предмета на лицо Грэгори. Оно уже посинело, а из приоткрытого рта свешивался набок распухший язык.

«Уморила мужа! — раздался за плечом знакомый голос. — И как тебе не стыдно, Эльза!»

Я дернулась, вырывая руки из холодных ладоней супруга, и... проснулась.

— И не стыдно дрыхнуть в такой день? — стягивая с меня одеяло, проворчала Хайда.

Такой — это день иллары*. Собираться в храм после безумных сновидений, естественно, не хотелось, но и проигнорировать церемонию было никак нельзя. Вообще, проверка

на одержимость калфами уже лет триста была всего лишь формальностью, но попробовал бы кто-то не явиться в положенный день без уважительной причины. В детстве я ужасно боялась проходить сквозь кольца каменного змея. Мне казалось, что они вот-вот начнут сжиматься и раздавят меня в своих холодных тисках. А огромные огненные глаза с угольными полосками зрачков, пронизывающие ярким светом у самого выхода, заставляли худенькую малышку, которой я тогда была, испуганно зажмуриваться и жаться к отцу.

Страх с годами уходил, но неприязнь оставалась. Из рассказов Грэга я знала, что регулярность иллары вовсе не блажь жрецов, а насущная необходимость. И что кольца каменной твари образуют специальное поле, уничтожающее любую заразу, а поток света позволяет дежурному магу вовремя обнаруживать значительные повреждения кокона. Но желания посещать храм эти знания мне не добавляли.

— Что-то узнал? — прошептала я встретившему меня на центральной площади супругу, едва успев шагнуть из та-шипа на мостовую. Дома Брэмвейл со вчерашнего вечера не появлялся и вид имел несколько помятый.

— Потом поговорим, нетерпеливая моя, — с широкой улыбкой, адресованной проходившей мимо пожилой паре, тихо ответил муж.

— Потом ты опять сбежишь на работу или к любовнице, — процедила сквозь зубы я, не менее широко улыбнувшись лэй Варс, славившейся своей любовью к сплетням.

Эта долговязая блондинка с водянистыми глазами была готова сожрать меня без соли и приправ в любой день недели, и давать ей дополнительный повод распускать слухи было совсем ни к чему. В чем-то я Огасту понимала. Пусть и косвенно, но в разрыве ее помолвки три года назад была моя вина. Ее женихом Риландом, оказавшимся редким занудой, я была увлечена всего-то четыре дня, но кузен Люрвиг выбрал именно это время, чтобы «в страшной тайне» поведать своим болтливым друзьям об особенностях моего дара. То есть о том, что он не действует на тех, чье сердце занято. Пожалуй, именно тогда меня и стали ненавидеть и опасаться представительницы слабого пола. Временное помутнение рассудка мужей, нареченных и просто поклонников мне

прощали — ведь никто из нас не выбирал, чем именно наградит его кровь Повелителей, и не был властен над этим «сувениром». Но как простить невольное обличение во лжи и крах иллюзий? Кому же охота со стопроцентной уверенностью убедиться, что все слова о любви — откровенная ложь?

— Сегодня, дорогая, все мое внимание будет исключительно твоим, — вырвало меня из плена печальных мыслей обещание мужа. Грэг привычно предложил мне руку, и мы пошагали к похожему на пасть входу в храм.

— Ловлю на слове! — сообщила я напоследок, перед тем, как нацепить на лицо приличествующую мероприятию торжественную мину.

Честно говоря, я немного опасалась, что всевидящие очи каменного змея высветят какой-то изъян. Ведь заклинание, по словам Грэгори, все же было активировано, хоть и не оставило заметного следа на моей энергетической оболочке. Но не мог же обычный, хоть и сильный чародей, равняться с магией Повелителей, которой был пропитан каждый кирпичик в храме. Однако все прошло как обычно, если не считать синяков, оставленных на предплечье мужа моими судорожно сжимавшимися пальцами.

Библиотека в Брэм-моле была не чета тетиной. В ней хранились не только романы и сборники вышивок. Несколько полок занимали купленные Грэгори учебники по шипостроению — мальчишкой он мечтал выплавлять лучших в мире каменных коней. Два стеллажа радовали глаз ровненькими рядами кожаных обложек с трудами по ботанике, принадлежавшими бабушке мужа. Но моим любимым был самый дальний шкаф с пыльными потрепанными томами. Там прятались собранные еще прапрапрадедом Брэмвейла легенды и сказки. Не те, что можно было приобрести в любом магазине, а старые — полные чудес и волшебных созданий. Истории, в которые верили еще до сошествия Великого Змея и прихода Повелителей.

Желтоглазых было всего-то две сотни, но наш мир они изменили раз и навсегда. Канули в небытие войны и эпидемии, загаженные навозом улицы и свечи. На смену ездовым животным пришли шипы для богатых и громоздкие многоместные стрелы* для бедноты. Вот только вслед за желто-

глазными Владыками из разлома, образовавшегося там, где упал принесший их небесный Змей, на поверхность выбрались калфы. Сперва Повелители справлялись с бестелесными хищными тварями при помощи огнедышащих крылатых чудовищ, а потом отобрали восприимчивых к магии людей и поделились с ними кровью.

Старый мир был примитивнее, но разнообразнее и... свободнее. Пусть чародеи были только в сказках, а смертность от болезней — неимоверно высокой, зато каждый мог выбирать, чем ему заниматься и где жить. Короли прошлого не отличались добротой и щедростью, но любой слуга, накопив денег, мог стать владельцем крохотной лавочки, а любой аристократ — увлечься разведением лошадей или вовсе ничего не делать. Теперь же родившийся в первом круге не имел права заниматься торговлей, а во втором — стать поваром. Разве справедливо, что Грэг, буквально бредивший шипами, был вынужден стать охотником лишь потому, что, на свою беду, оказался слишком сильным магом? Разве правильно подвергать детей третьего круга проверке кровью еще в младенчестве, даже не давая им шанса отказаться от сомнительного дара?

До замужества я могла уехать куда угодно, а Брэмвейл с четырнадцати имел право проживать лишь в одном из двадцати городов, цепью окружавших разлом. Обеспечивать безопасность — долг перед обществом? Расплата за полученные способности? Но разве он о них просил?

Листая старинные книги, я часто задавалась этими вопросами, но ответов, естественно, не находила. А делиться подобными рассуждениями не рискнула бы даже с друзьями, если бы они у меня были. Уж слишком отличалось мое мнение от общепринятого. Никто уже и не помнил, что не всегда нами правили бессмертные желтоглазые, безразличные ко всему, кроме такого же желтого металла. И что вместе шахадов* были страны с разными обычаями, языками, законами.

— Опять в картинку уткнулась? — бурчала Хайда, буквально впихивая мне в руку пирожок. — Как маленькая — все сказки тебе подавай! Лучше бы за своим питанием следила.

— Для этого у меня ты есть! — улыбнулась я. Иногда, увлекшись чтением, я действительно забывала поесть. Не-

терпеливо ожидая Грэгори, которого все-таки вызвали на работу прямо со ступенек храма, книжку я выбрала по-настоящему интересную, чтобы надежно отвлечься и не коситься на дверь каждую минуту.

— Ты есть, — ворчливо передразнила кайра, наливая настой ромашки в мою любимую пузатую кружку. — Я-то есть, а вот мужа скоро не будет. — Я привычно отмахнулась от слов Хайды — страшать меня разводом, если «за ум не возьмусь», было ее любимым делом. — Машет она! Вроде взрослая девка, а дура душой! Такой мужик пропадает, э-э-эх...

— Мужик не жалуется.

— А чего ему жаловаться? Жена дурная, так на стороне умная найдется да к рукам приберет.

Обычно я не обращала внимания на подобные причитания, но в тот момент что-то в словах кайры меня вдруг задело. Неприятное чувство было новым, незнакомым... Интуиция? А что, если...

— Ты сейчас о ком-то конкретном говоришь или просто туманными намеками пугаешь? — отложив надкушенный пирожок, поинтересовалась я.

Хайда немного помолчала, поправила кружевной воротничок своего строгого платья и, отводя взгляд, мрачно сообщила:

— Да какой уж тут туман. Есть одна. Вернее, не одна — претенденток хватает, — но эта уж больно наглая. Так и вертится возле хозяина: юбкой крутит, декольте трясет да ресницами хлопает.

— Кто такая? Откуда знаешь?

— Сестра его заместителя. А знаю от Гальса — тот книги в башню возил и сам эту девицу видел, ну и слышал кое-что.

Смутные подозрения в моей голове начали выстраиваться в логическую цепочку. Влюбленная девушка, брат которой — и маг не из последних, и в Брэм-моле бывал не раз... А вдруг то письмо — их рук дело, и под воздействием морока я должна была или тихо скончаться, освободив место рядом с Грэгори, или выкинуть что-нибудь такое, что заставило бы мужа со мной развестись? Версия была вполне жизнеспособной, хоть и очень неприятной. Но самым скверным было то, что я не знала, стоит ли делиться ею с Грэггом. А что, если... Что, если он не был против такой перспективы?

ГЛАВА 2

Перед женьбой держи глаза широко открытыми, после — наполовину закрытыми.

Пословица североамериканских индейцев

Сказки были позабыты, пирожок заветривался на блюде, ромашка остывала — в моей не особо привычной к мыслительному процессу голове шла напряженная работа. Я буквально чувствовала, как со скрипом, словно давно не смазанные дверные петли, крутятся шестеренки. Конечно, это было всего лишь образом — что-то, а анатомия входила в перечень обязательных для изучения предметов, и об устройстве мозга я представление имела, но воображала его почему-то всегда в виде сложного механизма.

Мой экземпляр был пыльным, местами проржавевшим и не слишком отлаженным. Да и о чем могла размышлять лэй? Что на ужин заказать да что к этому ужину надеть. Женщинам третьего круга работать не пристало, а уж женам магов и вовсе было запрещено. Их задачами были исключительно забота о супруге и, главное, произведение на свет потомства. Меня это главное, в силу особенностей нашего с Брэмвейлом союза, не занимало. А чтением книг я скорее воображение развивала, чем способности к анализу, которые мне куда больше быгодились в решении важного вопроса. Мог ли Грэгори желать от меня избавиться? Тем более таким сложным способом, а не банально попросив развода.

Признаться, всерьез задумываться, зачем он на мне женился, мне раньше не приходилось. Поначалу я была слишком ошарашена свалившимся на меня предложением от совершенно незнакомого мужчины, о котором я только пару сплетен слышала. Потом — слишком довольна тем, как просто оказалось приспособиться к новой жизни. А после как-то и повода рассуждать на эту тему не было — мы оба были полностью довольны своими отношениями. Или один из нас лишь казался таковым?

Причиной, побудившей Грэга заключить столь странный брак, я поинтересовалась лишь однажды. И его ответ на тот момент меня вполне устроил. Маги, особенно охотники,

были обязаны заводить семью. А лэйд Брэмвейл хоть и был уже вдовцом, но бесконечно ссылаться на траур по безвременно почившей супруге не мог, поскольку не имел наследников. Вот только... Даже если после смерти Эдиллии Грэгори не желал обзаводиться настоящей женой, почему именно я? С моей ненормальной влюбчивостью и несчастливой особенностью, усугубляющей ситуацию. В скрип шестеренок тревожным звоном ворвалась некстати всплывшая в памяти картинка с теткой, причитающей над поспешностью заключения союза и вздыхающей по уплывающему из семьи наследству. Марвейн Чарди до последнего надеялась сосватать меня за одного из своих сыновей. К счастью, эта идея не нашла отклика ни в Люрвиге, ни в Кардайле.

Может быть, поразмыслив часа два, я бы успокоилась и нашла какой-нибудь ответ, что развеял бы тень сомнений и позволил мне и дальше безоговорочно доверять мужу, но процесс был прерван самим объектом моих дум.

— Заждалась? — с порога спросил Грэгори.

Я смерила его взглядом, куда более внимательным, чем обычно. Лицо супруга выглядело немного усталым — под серыми глазами залегли не менее серые тени, смуглая кожа тоже несколько поблекла. Работал... или? В поисках «или» я изучила одежду, старательно, но, к счастью, безуспешно высматривая непорядок. На шее не виднелось засосов, на вороте рубашки — помады, а темно-каштановые волосы вполне могло растрепать ветром. Впрочем, с моей стороны было глупым рассчитывать на откровенные свидетельства пылкой встречи. А даже если бы таковые и были — чего Грэг никогда себе не позволял прежде, — предъявлять претензии я все равно не имела права.

— Есть? — громко прошептал он.

— Что есть?

— Чешуя? Третья нога? Звезда во лбу? Тебе виднее, что ты высматриваешь!

Я открыла рот, чтобы по привычке поделиться с мужем своими рассуждениями, но вместо этого неожиданно соврала:

— Прикидываю, какой костюм тебе заказать на маскарад.

— До Змеева дня* еще три месяца, предусмотрительная моя! — рассмеялся муж, усаживаясь рядом со мной на диван и вытягивая ноги.

— Устал?

— Да! — коротко ответил Грэгори.

— А зачем тебя вызывали? — потянув за шнурок звонка, спросила я.

— Ивис не вернулся с дежурства. Пришлось график пере-
краивать.

Мне стало стыдно. У мужа товарищ погиб, а я его змей знает в чем подозреваю. Охотники редко теряли своих, но это все же случалось и касалось каждого из них.

Муки совести были прерваны явившейся по звонку Исми. Попросив ее принести свежего отвара и поторопить Альму с ужином, я решила отвлечь мужа и напомнила о новостях, которые он обещал поведать мне после иллары. Вопреки моим ожиданиям он только еще больше нахмурился.

— Я договорился на сегодняшний вечер, чтобы карточку с заклинанием посмотрел специалист.

— И что он сказал? — Мне так не терпелось хоть что-то узнать, что я готова была словно ребенок запрыгать на месте.

— Ничего! — мрачно отозвался Грэгори. — Письмо пропало.

Ужин проходил в тягостном молчании. Для меня тягостном. Муж с видимым удовольствием поглощал свое любимое и совершенно непереносимое мной рагу, а в остальном выглядел абсолютно спокойным. Словно каждый день с его стола, из его кабинета в Рассветной башне бесследно исчезали документы. А ведь ратуша Латии не зря звалась Рассветной — из-за многослойных защитных чар она постоянно испускала мягкое розоватое свечение, так похожее на зарю. Зайти в здание, конечно, мог любой — приемные дежурного охотника, главы Кручара и лэйдара* были ежедневно открыты для посетителей. Не говоря уже об отделе регистрации сделок, где всегда была толпа народу. Зайти, но не прокрасться незамеченным. Кроме опутывавшей стены магии, охраны и секретарей, мимо которых нужно было пройти, на каждой двери имелся специальный механизм, фиксирующий отпечаток кокона каждого, кто переступал порог.

Лекцию на эту тему я услышала от дорогого супруга сразу после признания в утере конверта. И призвана она была убедить меня, что, разумеется, загадочное послание никак не

могло быть похищено, а всего лишь затерялось среди прочих бумаг и непременно найдется уже завтра. Столь несерьезное отношение мужа, да еще наложившееся на мои недавние размышления, заставило еще больше насторожиться. Ветреной, поверхностной и легкомысленной в нашей семье была я, и попытка Грэгори узурпировать эту роль не могла пройти мимо моего обостренного обстоятельствами внимания. Как и абсолютное игнорирование супругом подавленного состояния, скрыть которое я особо и не старалась. Его равнодушные и безразличные — неужели это подтверждение его участия в...

— Эльза, прекрати дуться! — внезапно отложив вилку и тяжело вздохнув, произнес муж. — Я обязательно найду этот треклятый конверт.

— Тот, что «сдуло сквозняком со стола»? — съязвила я, процитировав одну из нелепых версий, озвученных Брэмвэйлом в библиотеке.

— Тот, что кто-то стащил, пока я был у Миста.

— А как же твое «там никого не могло быть»? — ввернула я еще одну из реплик супруга.

— Не могло! — согласился Грэг. — Но кто-то все-таки был. Совершенства не существует — в любой охранной системе можно найти лазейку.

— А зачем ты мне внушал, что нельзя? — немного оттаяла я.

— Пытался тебя успокоить, недоверчивая моя, — грустно усмехнулся Грэг, снова принимаясь за еду.

— У тебя не получилось! — констатировала я, следуя его примеру.

Запеканка на моей тарелке, безжалостно терзаемая до того, неожиданно приобрела вполне приемлемый вкус.

— Я заметил.

— Неужели в кабинет совсем никто не входил?

— Никто, кроме меня и Коллейна с Риадой, — подлив в мой бокал разбавленного водой вина, уточнил супруг.

Шестеренки в голове щелкнули, замерев в занятой позиции.

— Риادا?

— Сестра Коллейна.

— А что она там делала?

ПРИМЕЧАНИЯ

К стр. 5. **Градж** — горячий пряный слабоалкогольный напиток.

Брэм-мол — фамильные владения Брэмвейлов. Часть *-мол*, имеет значение «родовое гнездо».

К стр. 6. **Кручар** — разговорное название Круга чародеев, в который вступают все без исключения маги. Глава Круга регулярно ведет в специальном кабинете прием жалоб на магов и заявок на их услуги.

К стр. 7. **Грис** — богиня, изображающаяся в виде столапой паучихи, плетущей полотно судьбы. Ее еще называют ткачихой судеб.

К стр. 8. **Кайр** (*ж. р. кайра*) — доверенный слуга (служанка), принесший подкрепленную магией клятву верности. Как правило, выбирается родителями и находится рядом с хозяином (хозяйкой) с самого детства.

К стр. 10. **Лэйд** (*ж. р. лэй*) — обращение, которое изначально указывало на древность рода. Позднее любой получивший магический дар стал зваться лэйдом. Любая женщина, выйдя замуж за лэйда, становится лэй.

К стр. 11. **Хищная кровь.** При магическом истощении кровь мага временно меняет состав и начинает светиться; наиболее близкие к поверхности кожи сосуды даже просвечивают сквозь нее в темноте. И она действительно хищная, поскольку способна вытягивать энергию из того, к кому прикасается маг.

К стр. 12. **Айр** (*ж. р. айра*) — донор, позволяющий магу максимально быстро восстановить утраченные силы. Энергия лица противоположного пола быстрее и лучше усваивается.

Айронарий — помещение в ратуше, где дежурят назначенные по жребии айры.

К стр. 15. **Кокон** — энергетическая оболочка, аура.

Слепок — след, оставляемый аурой.

Латия — название города.

Калф — потусторонняя тварь из разлома.

Обитель — небольшое поселение при храме, своего рода монастырь.

Круги. Традиционно общество делится на три круга: первый круг низший, третий — сродни аристократии.

Змей — верховное божество.

К стр. 16. **Шипарий** — своего рода гараж, помещение для шипов — каменных одно-, двух- и трехместных транспортных средств, получивших название за треугольную форму. Шипер — водитель.

К стр. 17. **Та-шип** — наемный транспорт с водителем, аналог такси. Та-шипер — таксист.

Дин — эта приставка используется для обозначения девичьей фамилии.

К стр. 18. **Райка** — болотная птица, употребляемая в пищу.

К стр. 19. **Рассветная башня** — ратуша в Латии.

К стр. 21. **Иллара** — обязательное раз в сорок дней посещение храма Змея.

К стр. 23. **Стрела** — многоместный общественный транспорт.

К стр. 24. **Шахад** — территория, подвластная Повелителю.

К стр. 27. **Змеев день** — праздник в честь сошествия Великого Змея.

К стр. 28. **Лэйдар** — глава светской власти в городе. Что-то вроде мэра.

К стр. 30. **Шаера** — хищное животное наподобие гиены.

К стр. 32. **Сафир** — материал, блокирующий чары. От направленного заклинания, естественно, не спасет, но вполне оградит от наложенного на какой-то предмет. Также укрывает вещи от поисковых и сканирующих чар.

К стр. 33. **Гуран** — двухкомпонентное дорожное покрытие, сродни асфальту.

Фасвар — горная порода, светящаяся в темноте. Используется для отделки зданий, а в измельченном виде — для светильников, освещения дорог и ландшафтного дизайна.

К стр. 34. **Лалии** — цветущие лианы, бутоны которых раскрываются ночью.

К стр. 35. **Латийский Пояс** — лесопарк по периметру города.

К стр. 37. **Эсты** — брачные метки на тыльной стороне ладоней.

К стр. 41. **Лива** — город возле разлома.

К стр. 44. **Фонит** — одноразовый амулет связи.

К стр. 49. **Тония** — город возле разлома.

Стреларий — автовокзал.

Стрелер — водитель стрелы.

К стр. 51. **Совершеннолетие** в шахадах достигается в три этапа: в восемнадцать уже можно вступать в брак, но только с согласия родителей или опекунов; в двадцать один разрешение на брак не требуется, если его нет, то просто назначается испытательный срок, тогда же по-

лучают право свободно распоряжаться процентами с капитала, если он есть; а в двадцать пять человек становится абсолютно самостоятельным.

К стр. 54. Мэйм — предмет с простейшим заклинанием памяти. Мэймом может быть как подаренный на прощанье медальон, так и гвоздь, вбитый в косяк для напоминания о необходимости закрывать дверь.

К стр. 61. Фикс — фиксирующее око, что-то вроде камеры, реагирующей на нарушения общественного порядка.

К стр. 86. Змееныш, змеиное отродье — уничтожительное именование мага.

К стр. 91. Зачерненные стекла — верная примета борделя, своего рода красные фонари.

К стр. 97. Ирис — энергетический напиток, приправленный магией.

Тарн — зачарованный предмет, способный сделать привлекательным или непривлекательным человека (направление, место).

К стр. 127. Финн — город возле разлома.

К стр. 135. Триз — отрезвляющее зелье.

К стр. 138. Ольта — город возле разлома.

К стр. 174. Ушастый — грубое слово, аналог рогносца. Ушастый потому, что от вранья уши опухли.

К стр. 286. Лэйдорат — собрание лэйдаров шахада, обычно назначаемое Повелителем.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖЕНА НА ПОЛСТАВКИ. <i>Роман</i>	5
Примечания	310